

Российская государственность и украинский сепаратизм в исследовании русского эмигранта князя А.М. Волконского «Историческая правда и украинофильская пропаганда»

Омельченко Николай Алексеевич¹

Д-р. ист. наук, зав. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0002-5872-6432, e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

Казбан Елена Петровна¹

Канд. полит. наук, доц. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0002-6139-1311, e-mail: lensa13@yandex.ru

Кирка Артем Викторович¹

Канд. полит. наук, доц. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0002-2859-9305, e-mail: avkirka@yandex.ru

Растимешина Татьяна Владимировна^{2,3}

Д-р полит. наук, гл. редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования»², гл. науч. сотр.³
ORCID: 0009-0003-9186-2393, e-mail: rast-v2012@yandex.ru

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Научный исследовательский университет Московский институт электронной техники,
124498, Шокина пл., 1, г. Зеленоград, Россия

³Государственная публичная научно-техническая библиотека России, 123298, 3-я Хорошевская ул., 17, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью настоящего исследования является анализ взглядов одного из ярких представителей русской послеоктябрьской эмиграции 1920–1930-х гг. князя А.М. Волконского об основах российской государственности и украинском сепаратизме, изложенных в опубликованном им в 1920 г. в Турине и долгое время остававшимся неизвестным отечественному читателю оригинальном исследовании «Историческая правда и украинофильская пропаганда» и ряде других эмигрантских публикаций автора. Обосновано значение вклада А.М. Волконского в объективное освещение формирования основ российской государственности и разоблачение в связи с этим многочисленных мифов украинской пропаганды, осмысление которого дается в статье в контексте проходивших в русском зарубежье дискуссий (Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, П.Б. Струве, Н.О. Лосский, П.Н. Милоков и др.) об «украинстве», «украинском вопросе» и проблеме «украинской идентичности». Выявлены основные направления критики А.М. Волконским рецидивов «украинства» как идеологии украинского сепаратизма, отрицавшего историческое и культурное единство русского и украинского народа и настаивавшего на идеологеме о якобы издревле существовавшем особом «украинском народе», не имевшем ничего общего с русскими, что в реальной политической практике, как считал автор, воспитывало в сознании малороссов ненависть ко всему русскому и в конечном счете создавало реальную опасность отторжения от славянского мира и подчинения Западу исконно русских земель, именовавшихся с древних времен Малой и Великой Русью.

Ключевые слова: российская государственность, украинский вопрос, украинство, украинофильство, Малороссия, украинский сепаратизм, украинская идентичность, русское послеоктябрьское зарубежье

Для цитирования: Омельченко Н.А., Казбан Е.П., Кирка А.В., Растимешина Т.В. Российская государственность и украинский сепаратизм в исследовании русского эмигранта князя А.М. Волконского «Историческая правда и украинофильская пропаганда» // Управление. 2026. Т. 14. № 1. С. 105–114. DOI: [10.26425/2309-3633-2026-14-1-105-114](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2026-14-1-105-114)

Russian statehood and Ukrainian separatism in Russian Emigrant prince A. M. Volkonsky's study “Historical Truth and Ukrainophile Propaganda”

Nikolay A. Omelchenko¹

Dr. Sci. (Hist.), Head of the Public Administration and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0002-5872-6432, e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

Elena P. Kazban¹

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0002-6139-1311, e-mail: lensa13@yandex.ru

Artem V. Kirka¹

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0002-2859-9305, e-mail: avkirka@yandex.ru

Tatiana V. Rastimeshina^{2,3}

Dr. Sci. (Polit.), Chief Editor of the Economic and Social Research Journal², Chief Researcher³
ORCID: 0009-0003-9186-2393, e-mail: rast-v2012@yandex.ru

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²National Research University of Electronic Technology (MIET), 1, Shokina ploschad, Zelenograd 124498, Russia

³State Public Scientific and Technical Library, 17, 3 Khoroshevskaya

Abstract

The purpose of the study is to analyze the opinion of one of the prominent representatives of the Russian post-October emigration of the 1920s and 1930s, Prince A. M. Volkonsky, on the foundations of Russian statehood and Ukrainian separatism, set out in his original study “Historical Truth and Ukrainophile Propaganda” published in Turin in 1920 and long unknown to Russians, as well as a number of the author’s other emigrant publications. The paper substantiates the significance of A. M. Volkonsky’s contribution to the objective coverage of forming the Russian statehood foundations and the exposure of numerous myths of Ukrainian propaganda in this regard, the interpretation of which has been given in the paper in the context of discussions taking place in the Russian diaspora (N. S. Trubetskoy, P. M. Bicilli, P. B. Struve, N. O. Lossky, P. N. Milyukov, etc.) on Ukrainians, the Ukrainian issue, and the issue of Ukrainian identity. The paper reveals the main directions of A.M. Volkonsky’s criticism relapsed into “Ukrainianism” as an ideology of Ukrainian separatism, which denied the historical and cultural unity of the Russian and Ukrainian people and insisted on the ideology of special “Ukrainian people” who allegedly existed from ancient times, having nothing in common with Russians, which in real political practice, as the author believed, fostered hatred of all Russians in the minds of Malorosses and created a real danger of alienation from the Slavic world and subjugation to the West of the native Russian lands, which had been called Malaya and Velikaya Rus since ancient times.

Keywords: Russian statehood, Ukrainian issue, Ukrainianism, Ukrainophilia, Malorossia, Ukrainian separatism, Ukrainian identity, Russian post-October diaspora

For citation: Omelchenko N.A., Kazban E.P., Kirka A.V., Rastimeshina T.V. (2026). Russian statehood and Ukrainian separatism in Russian Emigrant prince A. M. Volkonsky’s study “Historical Truth and Ukrainophile Propaganda”. *Upravlenie / Management (Russia)*, 14 (1), pp. 105–114. DOI: 10.26425/2309-3633-2026-14-1-105-114

Введение / Introduction

В одной из своих эмигрантских статей, опубликованной под названием «Украинский и белорусский сепаратизм», видный русский религиозный философ Н.О. Лосский, противопоставляя распространенному среди украинцев-эмигрантов «пропитанному ненавистью к России» украинскому сепаратизму вышедшую в эмиграции и разоблачившую «фанатиков-сепаратистов» книгу «любящего Малороссию и Россию украинца» А. Царинного (Стороженко) «Украинское движение», обращал внимание на «обстоятельное предисловие», написанное к книге князем А.М. Волконским. Автор «Предисловия», отмечает Н.О. Лосский, указывает на «четыре неправды» украинских сепаратистов:

- неправду этнографическую о якобы издревле существовавшем особом «украинском народе»;
- неправду филологическую об изначальной самостоятельности малоросского, или украинского, языка;
- неправду хронологическую, выразившуюся в умышленном перенесении более поздних исторических событий, понятий, имен в предыдущие века;
- неправду географическую, состоявшую в произвольном распространении имени «Украина» на соседние земли — пространство степей, «дикого поля», доходившего до Черного моря и именовавшегося со времен Екатерины II «Новороссией» [Лосский, 2016].

Имея в виду важность сделанных А.М. Волконским наблюдений о ложных мифах украинского сепаратизма, Н.О. Лосский подкрепляет точку зрения автора собственными философскими размышлениями, указывая на сложность русско-украинских отношений и связанную с этим опасность рецидивов «украинства», способных лишь навредить, по его словам, «великому прошлому Малороссии», которой «принадлежит множество событий и процессов, неразрывно связывающих ее с Россией» [Лосский, 2016].

Важно, однако, сразу отметить, что вклад князя А.М. Волконского в объективное освещение формирования основ российской государственности и критику рецидивов украинского сепаратизма отнюдь не сводился к отмеченным Н.О. Лосским выводам автора о «четырех неправдах» украинских сепаратистов, изложенным им в предисловии к указанной книге эмигрантского историка и публициста А. Стороженко «Украинское движение», в издании которой князь принял непосредственное участие. Значение вклада в разработку основ российской государственности в контексте украинской проблемы русского эмигранта князя А.М. Волконского неизмеримо шире и заслуживает отдельного научного исследования, как и нуждается в серьезном изучении его разносторонняя общественная деятельность, пока что

не получившая достаточного освещения в научной литературе. Русский военный дипломат, публицист и ученый, сын петербургского обер-гофмейстера князя М.С. Волконского, внук декабриста С.Г. Волконского, русский офицер, прошедший военную службу от поручика до полковника генерального штаба, аналитик военной разведки, являвшийся накануне революции 1917 г. русским военным агентом в Риме и оставшийся в эмиграции после прихода к власти в России большевиков, крупный знаток «украинского сепаратизма», князь А.М. Волконский был также автором целого ряда оригинальных публикаций об «украинском вопросе». К числу наиболее важных из них современники и исследователи относили опубликованное в 1920 г. содержательное, построенное на широком привлечении исторических документов научное исследование «Историческая правда и украинофильская пропаганда» (1920) и некоторые другие работы, посвященные проблеме российской государственности и идеологии «украинства».

Российская государственность и «украинский вопрос» в идейно-политическом дискурсе русского послеоктябрьского зарубежья / Russian statehood and the Ukrainian issue in the ideological and political discourse in the Russian post-October diaspora

Напомним, что в числе целого ряда судьбоносных для настоящего и будущего России вопросов, обсуждавшихся видными представителями русской послеоктябрьской эмиграции, вопрос об истоках российской государственности и связанный с ним «украинский вопрос», дискуссии вокруг которого велись в отечественной общественно-политической мысли задолго до прихода к власти большевиков и возникновения феномена «русского изгнания», занимали одно из центральных мест. Об «украинском вопросе» и проблеме русско-украинских отношений писали в эмиграции В.А. Мякотин, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, П.Н. Милюков и другие авторы, рассматривавшие феномен «украинства» в контексте идеологии и практики украинского сепаратизма.

«Украинский вопрос» в контексте формирования основ российской государственности находился в центре внимания теоретиков и идеологов возникшего в русском зарубежье в начале 1920-х гг. самобытного идейно-политического течения «евразийства». Осмыслению феномена «украинства» посвятил свою известную работу «К Украинской проблеме» (1927), открывшую, как считается, научную полемику в русском зарубежье по «украинскому вопросу», один

из основателей евразийского движения, знаменитый лингвист князь Н.С. Трубецкой. Неоценимый вклад в научное осмысление «украинского вопроса» в контексте формирования основ российской государственности внесли исследования известного в эмиграции филолога и блестящего историка культуры, близкого по ряду позиций к евразийскому течению П.М. Бицилли. В своей работе «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» (1930), написанной в ответ на указанную статью князя Н.С. Трубецкого, ученый, исследуя историю Украины с точки зрения «целостности русского/евразийского мира», соглашаясь с Н.С. Трубецким в его критике украинского сепаратизма и осуждая стремление «крайних самостийников» отрезать Украину от России-Евразии, призывал к правильному решению этого неоднозначного, с его точки зрения, вопроса. С подобной оценкой в целом был согласен и крупный евразийский историк Г.В. Вернадский в его специальной работе «Князь Трубецкой и украинский вопрос» (1938), опубликованной только в наше время.

Неординарный подход к трактовке «украинского вопроса» нашел свое воплощение в произведениях другого видного евразийца и идеолога течения, талантливого географа и одного из первых, по мнению исследователей, создателей русской геополитической науки П.Н. Савицкого. Обосновывая выдвинутую в своем программном сочинении «Географические и геополитические основы евразийства» (1933) концепцию «месторазвития», основу которого составляло положение о евразийской идентичности «России-Евразии» как самодостаточного геополитического пространства, объединяющего Запад и Восток, автор связывал западную его границу с «черноморско-балтийской перемычкой», с областью, «где материк суживается (между Балтийским и Черным морями)», тем самым вписывая Украину в качестве органической части в материк России-Евразии.

Среди этих талантливых эмигрантских публикаций по обсуждаемой проблеме работы князя А.М. Волконского занимали свое достойное место. Если оставить в стороне ряд дореволюционных печатных выступлений по украинской проблеме П.Б. Струве, отстаивавшего самую непримиримую позицию в критике «украинства», говорившего об украинском сепаратизме как об «огромной культурной проблеме», которая грозит неслыханным «расколом в русской нации», и призывавшего «энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с “украинством”» как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории – общерусскую культуру», князь

А.М. Волконский одним из первых в эмиграции усмотрел в идеологии и практике «украинства», апеллировавшего к ложным по своей сути историческим мифам о древнем «украинском народе» (о неизвестных в русской истории «украинцах») и воспитывавшем в сознании малороссов ненависть ко всему русскому, величайшую опасность утраты общерусского единства, исторически сложившегося единства народов, традиционно именовавшихся малороссами, белорусами и великороссами [Струве, 1912].

В вышедшей позже, в 1929 г., работе «В чем главная опасность?», предупреждая о последствиях благодушного отношения к украинской проблеме со стороны многих русских людей, А.М. Волконский с беспокойством отмечал, что русские оттого ли, что «подавлены житейскими заботами или что поглощены партийными спорами», едва останавливают свое внимание «на сложной работе, направленной к разрушению единства русского народа; видимо, мы не отдаем себе отчета, что дело идет об основном условии нашего национального существования; мы не только не боремся с центробежными силами, но и нередко бессознательно играем им в руку» [Волконский, 1929].

В другом месте автор, обращая внимание на то, как легко привилось почти забытое имя «Украина» и даже никогда прежде не существовавшее название «украинский народ» вместо исторических наименований «Малороссия» и «малороссы», указывает на главную опасность, которая, с его точки зрения, заключалась в том, что стремления к самостийности не встречали необходимого сопротивления ни в народных массах, ни в коридорах власти, ни в образованных слоях русского общества [Волконский, 1929].

«Украинская проблема» и мифы «украинства» в книге А.М. Волконского «Историческая правда и украинофильская пропаганда» / The Ukrainian issue and the myths of «Ukrainism» in A.M. Volkonsky's book «Historical Truth and Ukrainophile Propaganda»

Книга А.М. Волконского была издана в Турине в 1920 г., и тогда же появились ее французское и английское издания. В 1947 г. она была переиздана в Мюнхене в сокращенной редакции. Сопровождающая публикуемое исследование краткой аннотацией, издатель, приводя слова А.М. Волконского в предисловии к французскому изданию книги о том, что украинская пропаганда почти не встретила сопротивления в печати со стороны русской заграничной общественности, отмечал, что с момента выхода книги в 1920 г. мало что изменилось и «с русской стороны не много было сделано в смысле распространения

исторически правильных сведений о прошлом Юга России и судьбах его населения». Издатель обращал внимание на то, что в сложившейся обстановке после разгрома многих зарубежных русских центров в результате Второй мировой войны ценность русских книг на исторические темы многократно возрастает, а книги, подобные произведению князя А.М. Волконского становятся библиографической редкостью [Волконский, 1947].

В указанном предисловии к французскому изданию своего исследования А.М. Волконский настойчиво подчеркивает мысль о том, что одной из главных целей, к которым стремился германский мир, подготавливая мировую войну, было расчленение России, и ее союзники шли в этом отношении по тому пути, который был намечен Германией: им «остается лишь признать независимость всего Юга России (произвольно названного Германией Украиной), и германская мечта осуществится». Обращая внимание для подтверждения своих слов на размещенное в «сегодняшних газетах» воззвание г. Петлюры к украинскому народу, в котором тот объявлял «москалей» вековыми врагами украинцев, автор замечает, что правда как раз обратном. Правда, пишет А.М. Волконский, заключалась в том, что «московские русские никогда врагами русских в Малой России не были, более того, только войны Москвы против Польши освободили малороссов от господства их вековых врагов — поляков — и вернули Украину в политическую орбиту русского мира». Автор обещал осветить на страницах своей книги историческую правду, направленную против ложных мифов «украинства», не столько излагая свое мнение (оно будет касаться, по словам автора, только современных проблем), сколько опираясь лишь на авторитеты, «начиная с писателей и летописцев греческих, арабских и западных IX в. вплоть до современного нам историка русского искусства». Киевский летописец Нестор (XI в.), по мнению автора, может стать «лучшим союзником» в вопросах дотатарского периода, а выдающийся историк В.О. Ключевский сможет ответить, существует ли украинский народ, и объяснить, «как образовались малорусская ветвь единого русского народа» [Волконский, 1920].

Беспокойство князя А.М. Волконского относительно отмеченных мифов, распространяемых украинофильской пропагандой, разделялось многими эмигрантскими авторами. Как отмечал в публикации 1930 г. упоминаемый выше П.М. Бицилли, большинство участников проходивших споров вокруг украинской проблемы обосновывали свои позиции, апеллируя к историческому контексту. И та, и другая спорящие стороны, по словам автора, ссылались

на факты исторического прошлого или те, которые считались ею историческими, связаны ли они были с историей формирования Древнерусского государства, языка или политического и социального развития. Если адепты «украинства» и их главный идеолог профессор М.С. Грушевский, выпустивший десяти томную книгу «История Украины-Руси» и придумавший, как считается, вместо исторически устоявшегося названия «малороссы» новое наименование «украинцы», указывали на «древность» самого названия «Украина» (по М.С. Грушевскому, «Украины-Руси»), то русские доказывали, что так называемая «Украина» в Древней русской истории называлась Русью и самый народ звал себя русским [Бицилли, 1930].

Именно эти проблемы, имевшие определяющее значение для понимания сути и содержания споров вокруг «украинского вопроса», и составили основу для их скрупулезного анализа и критики сопутствующих им мифов «украинства» в книге А.М. Волконского. Именно в этой связи автор начинает свое исследование с анализа «этнографических наименований», справедливо полагая, что «неясность терминологии всегда выгодна для тех, кто защищает какое-либо неправильное положение» [Волконский, 1920]. Это касалось как выяснения происхождения слова «украина», означавшего не что иное как «пограничную землю», понятие, которое в московскую эпоху, по справедливому замечанию автора, могло применяться к любой окраине российского государства, так и ряда других основополагающих наименований и понятий, ставших неотъемлемой частью Древней русской истории, таких, как «русь», «русская земля», «страна русская», «Русская правда» и др.

Указывая на традиционное использование в ранних источниках наименования «русская земля», являвшегося уже в XI в. «общепринятым, стереотипным выражением и в летописи, и в иных литературных памятниках», а также таких названий, как «великие княжества», «уделы», «волости», А.М. Волконский обращает внимание на тот факт, что ни в одном документе того времени мы не встретим выражений «украинские княжества», «украинская» линия князей и тому подобных названий и понятий, и ответ на этот вопрос состоит в том, что названия «русь» (в первоначальном племенном значении и в позднейшем территориальном) и «русские» суть единственное название, «обобщающее племена и земли древней России» [Волконский, 1920]. По замечанию автора, это не его личное мнение, здесь за него говорят «беспристрастные свидетели» — исторические документы, согласно которым заселенная русским народом от Карпат до Белого моря и Суздаля, от Новгорода

до Киева страна была не чем иным, как Россией, а сам народ, населявший эту страну, называл себя русским как в Новгороде, так и в Галиции, землю же свою он называл Русью. Что касается имени «Украина», то его, по мнению А.М. Волконского, не было ни в домонгольский период русской истории, ни спустя столетия, точно так же, как название «украинец» родилось еще несколькими веками позднее [Волконский, 1920].

Исследование князя А.М. Волконского изобилует ссылками на факты русской истории, развенчивающие миф об изначальной противоположности «украинцев» и «русских», подтверждающие сложный процесс формирования общерусского единства. Основным источником для исследования наряду с летописными памятниками стали сочинения В.О. Ключевского, являвшегося для автора бесспорным авторитетом и одним из «корифеев русской историографии», человеком, одаренным «исключительным даром проникновения в тайники былой жизни народа», творчеству которого он посвятил ряд ярких страниц своей книги [Волконский, 1920]. В книге А.М. Волконского дается подробный анализ истории формирования трех ветвей русского народа – великороссов, малороссов и белорусов, – объединившихся на исконно русских землях под триединым именем: Малая Русь, Белая Русь и Великая Русь. Так, ссылаясь на мнение В.О. Ключевского и излагая истоки формирования «малороссийского племени», слагавшегося в «тяжелейших политических условиях» после «взятия Киева татарами», когда опустевший край стал «легкой добычей Литвы», чья «благожелательная власть» сменилась «черствой властью» и религиозным гнетом Польши, вызвавшими пробуждение народного самосознания, автор приходит к выводу о том, что от начала своего зарождения и до дня, когда оно слилось с Московским государством, малороссийское племя не было самостоятельным. История, заключает автор, «указала трем ветвям русского народа любовно сплетаться в единении, иначе иноземник разрывает их и веками топчет безжалостной пятой» [Волконский, 1920].

Князь А.М. Волконский о запорожском казачестве, украинском языке, значении и перспективах украинского движения / Prince A.M. Volkonsky on the Zaporozhian cossacks, the Ukrainian language, and the meaning and prospects of the Ukrainian movement

Отдельный сюжет в исследовании А.М. Волконского – роль и значение в истории Малороссии запорожского казачества, миф о котором, как известно,

занимал важное место в идейном багаже идеологов «украинства», усматривавших в казацкой вольнице истоки свободолюбия, демократических выборных начал и идей федерации, то есть тех начал, которые, с их точки зрения, с самого начала отличали выдуманный ими «украинский народ» от москвитов с их покорностью власти и авторитарным государственным строем. Автор не ставит целью разобраться в общественном строе казачества, вылившегося «в форму своеобразной республиканской общины», равно как и в подоплеке «этой странной республики». Он сосредоточивает внимание преимущественно на роли запорожцев, которых он предпочитает называть «малороссийскими казаками», в «деле овладения степью», приращении земли русской. Автор не считает правильным говорить о сколько-нибудь серьезном идейном значении запорожского казачества, сводя его роль преимущественно к набегам (этой «горсти храбрецов») на турецкое черноморское побережье и оставляя за ним ведущую роль во всех восстаниях против Польши. Запорожцы признали в 1654 г., как и вся, замечает А.М. Волконский, Малороссия, власть московского государя, которого Б. Хмельницкий впервые назвал государем «Великой и Малой России», а та часть черноморских степей, где они «в силу своих набегов являлись как бы фактически хозяевами, перешла под московское господство» и, «расширенная победами Империи до морских берегов», составила уже в XVIII в. так называемую Новороссию [Волконский, 1920].

Серьезное значение автор исследования «Историческая правда и украинофильская пропаганда» придает проблеме так называемого «украинского языка», изобретенного в начале XX в. австрийским правительством, наторевшим, по свидетельству исследователей, на создании искусственных языков. Особый вклад в это «историческое» изобретение внес профессор Львовского университета М.С. Грушевский. Проблема языка, игравшего, как известно, во всех государствах определяющую роль в образовании нации и национальной культуры, являлась одной из основных для всех участников проходившей в эмиграции полемики по «украинскому вопросу». Наиболее обстоятельно она была рассмотрена в работах талантливого филолога и блестящего историка культуры П.М. Бицилли, в частности в его основной публикации 1930 г. по «украинскому вопросу» «Проблема русско-украинских отношений в свете истории», в которой на конкретном историческом материале автор разбирал «филологические», по его выражению, аргументы крайних самостийников, стремящихся доказать обособленность Украины от России. Указывая на близость русского лите-

ратурного и украинского языков, П.М. Бицилли обращал внимание на позицию «украинизаторов», панически боявшихся сходства языков и желающих, чтобы русский литературный язык был непонятен для «хорошего» украинца, который обязательно должен притворяться, будто он не понимает «русского» языка» [Бицилли, 1930]. О «надуманности» «нового украинского языка» («мовы»), непонятного большинству населения Малороссии и придуманного с целью разъединения русских людей, что раскололо их на враждующие друг с другом части, еще в начале XX в. писал русский религиозный мыслитель и философ В.В. Розанов [Розанов, 2016].

В своем главном исследовании об украинофильской пропаганде А.М. Волконский, как и большинство эмигрантских авторов, считал правильным говорить не об украинском языке как таковом, а лишь о малороссийском наречии, которое еще не развилось в литературный и научный язык, естественно уступая первенство русскому языку как языку всего русского государства и целого народа. В этом определенную роль могли сыграть некоторые стеснения, которые чинило этому русское правительство последние полвека. Однако дело не в этом: каждое наречие может развиваться, по мнению автора, в литературный язык, но для этого нужны особые условия или века самостоятельной культуры, что не скажешь о степени самостоятельности «украинской культуры». Критикуя украинофилов, утверждавших, будто Н.В. Гоголь писал по-русски из-за цензуры, А.М. Волконский подчеркивает, что Н.В. Гоголь любил свою Родину (Украину), но превыше всего любил свое Отечество Россию [Волконский, 1920].

Проблема «украинского языка» являлось основной в другой работе А.М. Волконского, опубликованной под характерным названным «Малоросс или украинец». В ней автор указывал на искусственность «украинского языка», создатели которого «при сотрудничестве австрийских канцелярий», включив в его словарь многочисленные польские, немецкие, латинские корни и наполнив его многочисленными придуманными новообразованиями, стремились добиться его несходства с русским языком. Однако, ставя целью сделать малороссийский язык как можно больше непохожим на общерусский, его изобретатели сделали его непохожим и на самого себя. Не случайно, замечал автор, когда в 1918 г. это галицийское новшество пытались навязать населению подлинной Украины – Киевской, Черниговской и Полтавской губерниям, – оказалось, что ни крестьянин, ни бывший помещик его не понимают.

Как уже отмечалось, в своей критике «украинофильской пропаганды» А.М. Волконский стремился опираться не столько на свое личное мнение, сколько на исторические документы и факты, в том числе на исследования русских ученых и историков, признанных специалистов по Древней русской истории. В связи с этим обращают на себя внимание многочисленные ссылки на исторические источники и мнения авторитетных ученых, которыми автор исследования «Историческая правда и украинофильская пропаганда» сопровождает свою критику ложных мифов идеологов «украинства». В полной мере сказанное можно отнести к размещенным в книге Приложениям, включающим переписку А.М. Волконского с председателем «Украинской делегации» на Парижской мирной конференции (1919–1920) графом М. Тышкевичем, в которой автор доказывал на основе анализа древнерусских летописей, не обнаруживавших даже «самого микроскопического намека на существование людей, называвшихся «украинцами», несостоятельность утверждений «украинской партии» о древнем происхождении имени «Украина». По мысли А.М. Волконского, в самом имени «Украина» уже находится «явный упрек всей украинской теории», если учитывать, что значение этого слова изначально определялось не одним словом «край» (страна, территорию), как это хотелось адептам «украинства», а двумя словами «у» и «край» (или грань), что означало не что иное как «у края», «у границы». В Приложениях к книге можно найти и ряд других не менее веских доказательств абсурдности «исторических» доводов украинской пропаганды. В то же время, отвергая подобные «доводы», автор указывал на то, что в сравнении с «дышащей злобой» к русским в самом украинском населении никакой злобы никогда не было, точно так же, как не бывало никакой распри и борьбы «между тремя ветвями единого народа» [Волконский, 1920].

Как и другие эмигрантские авторы, выступавшие против украинского сепаратизма, А.М. Волконский не отрицал важности самой проблемы украинского возрождения, подвергая справедливой критике ошибки Санкт-Петербурга «последних десятилетий Империи» в этом вопросе. Именно недооценка, отмечал он в статье «В чем главная опасность?», подчас полное игнорирование необходимости признания свободы «местного говора», верований и быта, равно как и совместимости краелюбия с любовью к Отечеству, вели к обострению самостоятельных течений, и именно здесь лежала правда украинского движения [Волконский, 1929]. Даже в период либерального правления Александра II,

в 1878 г., «как не стыдно в этом признаться», пишет А.М. Волконский в другом месте, «была ограничена свобода издания книг по-малоросейски» [Волконский, 1920]. В статье «Малоросс или украинец?» автор с сожалением констатировал, что в Санкт-Петербурге многие плохо представляли, что малороссийский литературный язык никак не противоречит русскому единству, как никогда не противоречили сицилийское или венецианское наречия итальянскому единству. В этом, по мнению А.М. Волконского, следует искать одну из причин того, что «естественное и законное малороссийское краелюбие», на горе России, было загнано Валувскими циркулярами «по ту сторону границы», где уже оно под австрийско-германско-польским влиянием получило совсем другой, далеко не дружелюбный по отношению к России характер. Именно там и тогда был изобретен «украинский язык», ставший «орудием расчленения России и русского народа» [Волконский, 1929].

Заметим, что приведенная точка зрения А.М. Волконского относительно характера украинского движения разделялась большинством эмигрантских авторов, указывавших на близость народа «Украины» русскому (великорусскому) народу как с точки зрения его исторического развития, так и с точки зрения языка и расовой принадлежности [Бицилли, 1930]. Об этом писал в своей работе «Князь Трубецкой и украинский вопрос» Г.В. Вернадский, считавший «украинский вопрос», как уже отмечалось, одним из самых «больных вопросов» в истории русского самопознания, в решении которого важно не допускать как крайности украинского сепаратизма, так и рецидивы русского унитаризма. Г.В. Вернадский призывал не забывать о том общем историческом пути, который прошли русские и украинцы в общем строительстве великого русского государства на бескрайних просторах России-Евразии. Автор не без основания расценивал отказ «крайних самостоятельных» от русского языка и русской культуры, исторически являвшихся, по его убеждению, украинско-русскими, как отказ от своего культурного наследия [Дворниченко, 2015]. Сходную точку зрения выражал также Н.С. Трубецкой, видевший одну из главных причин украинского сепаратизма в вытеснении здравомыслящих представителей украинской интеллигенции галицийской, национальное самосознание которой формировалось под влиянием многовекового польского рабства и насаждения католицизма [Трубецкой, 1927].

Проблема украинского движения затрагивалась в опубликованной в Праге в 1925 г. объемной работе «Национальный вопрос (Происхождение

национальности и национальные вопросы в России)» лидера кадетской партии П.Н. Милюкова. Говоря об украинском национальном движении в контексте рассматриваемых в работе особенностей национальных движений на территории бывшей Российской империи, автор ссылаясь на авторитетное, с его точки зрения, мнение известного украинского ученого, историка и общественного деятеля, основателя украинского социализма М.П. Драгоманова, посвятившего ряд своих исследований обоснованию единства русско-украинской культуры. По мысли П.Н. Милюкова, существовавшие в прошлом близкие отношения между украинской и (общее) русской интеллигенцией, представлявшими две ветви одного русского народа, объединенными общими национальными целями и задачами, на что обращал внимание в своих работах М.П. Драгоманов, были испорчены правительственными и националистическими преследованиями, в результате чего интеллигентское руководство украинским национальным движением из университетских центров Харькова и Киева «ушло в австрийскую среду, в Галицию, во Львов». Оттуда оно вернулось, как пишет автор, спустя много лет «уже с острым чувством вражды ко всему русскому, с новым отточенным орудием национальной пропаганды, ... своей литературой и наукой, правда, изложенными на вновь созданном литературном языке, чуждом наречиям приднепровской Украины» [Милюков, 1925].

Несомненный интерес, на наш взгляд, в контексте различных оценок «украинского» движения представляет мнение другого русского эмигранта, оригинального религиозного философа и талантливого, по оценке П.Б. Струве, историка Г.П. Федотова, рассматривавшего проблему в несколько иной плоскости. Отмечая, как и многие другие авторы-эмигранты, тот факт, что именно «цензурные преследования отбросили в Галицию украинское культурное движение», в результате чего не Киев, а Львов стал родиной нового языка, автор возлагал значительную часть ответственности за произошедшее на саму русскую общественность, которая «проглядела» создание украинского литературного языка из народного говора, каким он был всегда для большинства русской интеллигенции, мало интересовавшейся важностью национального вопроса в России. Развивая свою мысль, Г.П. Федотов обращал внимание на принципиальное отличие «украинства» от всякой другой национальной проблемы на территории России, делая в этой части, по сути, пророческие выводы. Если с грузинами и татарами, отмечал он, русские встречаются как люди разных национальностей, то с украинцами

их сближают общие исторические корни, традиции и духовные связи. Если национальные традиции будут строиться в конечном счете на общей любви, а не на общей ненависти, есть надежда на забвение политических обид. Однако в случае, если поколения украинской молодежи будут воспитывать в ненависти к России и ее культуре, «ничто не удержит их в общем русском доме, как бы свободна и легка ни была в нем жизнь, как бы крепки ни были его стены» [Федотов, 2014].

Заключение / Conclusion

«Украинский вопрос» и связанные с ним вопросы российской государственности находились в центре внимания русской послеоктябрьской эмиграции. Наиболее дальновидные ее представители, уже тогда предупреждавшие, что украинская проблема «имеет для России бесконечно более глубокое значение, чем все другие национальные проблемы», относились к «украинскому вопросу» не только как к вопросу о политическом составе России и ее границах, но и как к большой духовной и в конечном счете экзистенциальной проблеме, от решения которой зависело русское самосознание и сама судьба страны [Федотов, 2014]. Речь шла о том, сохранится ли Россия, исторически формировавшаяся как единое государство, или распадется навсегда на ряд самостоятельных государственных образований.

Именно на эту опасность указывал в своем исследовании «Историческая правда и украинофильская пропаганда» русский патриот князь А.М. Волконский, к заслугам которого можно отнести последовательную защиту идеи единства и неделимости России и столь же последовательное развенчание украинских мифов, распространяемых идеологами «украинства» об украинской истории, касалось ли это реальных корней украинской государственности, «украинского» языка или «украинской идентичности». Указывая на действительные ошибки и не всегда удачные решения русских правительственных учреждений по отношению к украинскому литературному движению, за которые ему «было стыдно», автор уже тогда видел за многими действиями идеологов «украинства» «направляющую руку австрийского правительства». Он искренне болел за будущее единой России, противопоставляя историческую правду вымыслам «украинофильской» пропаганды и указывая на опасность украинского сепаратизма, адепты которого ставили целью заменить общерусскую культуру сконструированной «новой украинской», что в реальной политической практике вело к отторжению от славянского мира и подчинению Западу исконно русских земель, именовавшихся с древних времен Малой и Великой Русью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бицилли, П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Издательское Общество «Единство», 1930. — 38 с.
- Волконский, А. М. I. В чем главная опасность? II. Малоросс или украинец? Приложение к журналу «Карпатский свет». Ужгород: Типография «Школьной помощи», 1929.
- Волконский, А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920. — 207 с.
- Волконский, А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Мюнхен: Время, 1947. — 80 с.
- Дворниченко, А. Ю. Г.В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (к публикации статьи Г.В. Вернадского «Князь Трубецкий и украинский вопрос») / А. Ю. Дворниченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2015. — № 2(2). — С. 57–79.
- Лосский, Н. О. Украинский и белорусский сепаратизм / Н. О. Лосский // Украинский вопрос в русской патриотической мысли. М.: Книжный мир, 2016. — С. 445–452.
- Милоков, П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925. — 192 с.
- Розанов, В. В. Голос малоросса о немалороссах / В. В. Розанов // Украинский вопрос в русской патриотической мысли. М.: Книжный мир, 2016. — С. 283.

REFERENCES

- Bicilli, P. M. (1930). *The issue of Russian-Ukrainian relations in the light of history*. Prague: Unity Publishing Society. (In Russian).
- Dvornichenko, A. Y. (2015). G. V. Vernadsky on Ukraine and the Ukrainian issue (for the publication of G.V. Vernadsky's article "Prince Trubetsky and the Ukrainian Issue"). *Bulletin of the St. Petersburg University*, 2(2), 57–79. (In Russian).
- Fedotov, G. P. (2014). On Mazepa. In: *Collected works: in 12 volumes. Vol. 7: Articles from New Russia, New City, Modern Notes, and Orthodox Business and from the Circle and Vladimir Collection almanacs*. Moscow. (In Russian).
- Lossky, N. O. (2016). Ukrainian and Belarusian separatism. In: *The Ukrainian issue in Russian patriotic thought*. Moscow: Knizhny Mir. (In Russian).
- Milyukov, P. N. (1925). *The National question (Origin of nationality and national issues in Russia)*. Prague. (In Russian).
- Minakov, A. Yu. (2016). *The Ukrainian issue in Russian patriotic thought*. Moscow: Knizhny Mir. (In Russian).
- Rozanov, V. V. (2016). The voice of malorosses about non-malorosses. In: *The Ukrainian issue in Russian patriotic thought*. Moscow: Knizhny Mir. (In Russian).
- Savitsky, P. N. (1997). Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism. In: *The Continent of Eurasia*. Moscow. (In Russian).
- Struve, P. B. (1912). Social Culture and Ukrainian Particularism. *Russkaya Mysl*, 1, 65–86. (In Russian).

Савицкий, П. Н. Географические и геополитические основы евразийства / П. Н. Савицкий // *Континент Евразия*. М.: Аграф, 1997.

Струве, П. Б. Общественная культура и украинский партикуляризм / П. Б. Струве // *Русская мысль*. — 1912. — № 1. — С. 65–86.

Трубецкой, Н. С. К Украинской проблеме / Н. С. Трубецкой // *Евразийский временник*. Книга V. Париж, 1927. — С. 165–184.

Минаков, А. Ю. Украинский вопрос в русской патриотической мысли. М.: Книжный мир, 2016. — 800 с.

Федотов, Г. П. О Мазепе / Г. П. Федотов // *Собрание сочинений: в 12 томах. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый Град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника»*. М., 2014. — С. 197–200.

Trubetskoy, N. S. (1927). On the Ukrainian issue. In: *Eurasian Time Periodical. Vol. V*. Paris. (In Russian).

Volkonsky, A. M. (1920). *Historical truth and Ukrainophile propaganda*. Turin. (In Russian).

Volkonsky A. M. (1929). *I. What is the main danger? II. Maloross or Ukrainian? Appendix to Carpathian Light*. Uzhgorod: Sckolnaya Pomosch Publ. House. (In Russian).

Volkonsky, A. M. (1947). *Historical truth and Ukrainophile propaganda*. Munich: Time. (In Russian).